

0378

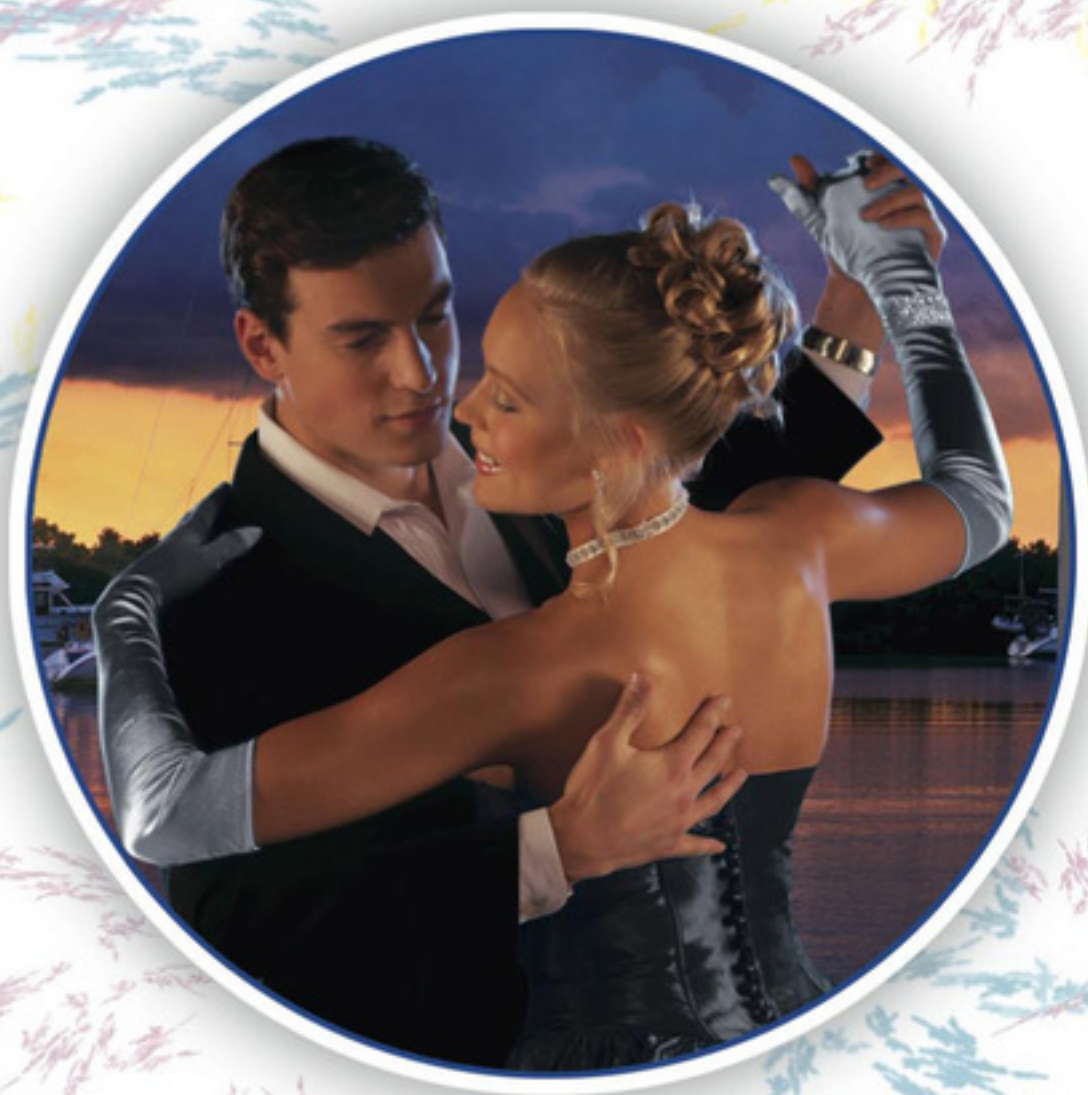

HARLEQUIN®

ЦЕНТР ПОЛИГРАФ

Мишель Дуглас

ПРАЗДНИК В СКАЗОЧНОЙ СТРАНЕ

Подари себе мечту

ЛЮБОВНЫЙ РОМАН

Любовный роман – Harlequin

Мишель Дуглас

Праздник в сказочной стране

«Центрполиграф»

2012

Дуглас М.

Праздник в сказочной стране / М. Дуглас — «Центрполиграф»,
2012 — (Любовный роман – Harlequin)

Николь одержима идеей изменить себя: стать более жесткой и независимой. А еще – похорошеть и похудеть. Тогда-то ее бывший жених и лучшая подруга, объявившие о помолвке, пожалеют о своем предательстве! Новый босс, к которому Николь уезжает на подработку, вызывается помочь ей в этом невероятном перевоплощении. Но и ему требуется помощь...

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	13
Глава 3	20
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Мишель Дуглас

Праздник в сказочной стране

Глава 1

Николь вся извертелась в своем кресле, пытаясь увидеть как можно больше из окошка-иллюминатора легкого пассажирского самолетика. Они уже катились по посадочной полосе – хотя это громко сказано. Всего-то дорожка рыжей сухой грязи, вдоль которой кое-где пробились чахлая травка да кусты акации. Пилот заглушил двигатель, и стало неожиданно тихо.

– Ну, вот мы и на месте, – обернулся он к ней.

Очнувшись, она кивнула в ответ:

– Супер.

Вот они, угодя «Ваминда Доунс». Запад Квинсленда? Скорее, край света! Сказочная страна Нигдения, глушь первозданная. Николь занесло так далеко, что дальше просто не бывает. Да, это кое-что новенькое. Не то что привычный Мельбурн!

– Уже можно выходить?

– Ну, любовь моя, если ты сюда ехала, то давай вылезай.

Пилот спустил на землю небольшой трап, и она высунулась наружу. Ух ты! Ничего себе, какое пекло! А какой запах – горячий, сухой аромат земли и выгоревших на солнце трав. Внезапно на нее нахлынуло чувство безмерного одиночества. Здесь так легко сгинуть, затеряться навек!

Николь оглядела бесконечные просторы – бурые травы простирались куда хватало глаз. Пожалуй, здесь, впервые за три месяца, она сможет успокоиться. Тут не встретишь «случайных» взглядов, когда знакомые быстро отводят глаза, чтобы потом пошутить у тебя за спиной. И друзья не станут хватать за руки, сочувственно заглядывать в лицо: «Ну, как ты?» И просто любопытных, обожающих смаковать чужие несчастья, здесь тоже нет.

Николь зажмурилась и подняла лицо к солнцу:

– Идеально.

– Идеально для чего?

Это еще чей голос? Это же не пилот Джерри. Она уставилась на незнакомца, вытаскивающего из багажного отсека ее вещи. Он поставил чемодан на землю и выпрямился во весь рост. Высокий, широкоплечий, внушительный.

Она моргнула:

– Откуда вы появились?

Николь же была уверена, что вокруг никого, кроме нее да пилота. Он небрежно махнул куда-то назад, и Николь наконец заметила невдалеке автомобиль, сверкнувший ветровым стеклом в лучах немилосердного солнца.

– Вы с ранчо?

Он улыбнулся одним уголком рта – скорее, полуулыбка, но явно дружелюбная.

– Я Кейд Хиндмарш.

Приехали. Ее босс. Лет тридцати. Загорелый, темноволосый. Загорелый по-настоящему, всерьез. От глаз разбегаются морщинки. Наверняка они тут все постоянно шурятся на солнце. Николь, похоже, тоже заимела эту привычку. Он чуть сдвинул назад свою фетровую шляпу, и Николь обнаружила, что смотрит в самые синие глаза на свете. Она напредила себе, что он ее еще не знает. И будем надеяться, никогда не узнает, что она жалкое существо, неудачница и вообще дура. Конечно, если не дать ему повода. А она и не собирается.

– Николь Мак-Гиллрой, – представилась она, постаравшись блеснуть хорошими манерами. Сдержанно, по-деловому, очень круто. Вот какое надо производить впечатление.

Он протянул руку. Николь вложила свою ладонь и ощутила такое крепкое пожатие, что глаза ее удивленно распахнулись. Он поспешно ослабил хватку.

– Ох, простите, мне всегда говорят, что я жму чересчур сильно.

– Да ничего страшного, мне не больно.

Что бы там ему ни говорили, а рукопожатие у него как раз что надо. Она себе всегда представляла, что именно такое и должно быть у настоящего мужчины. Сила. Уверенность. Вот бы и самой так же научиться... Она сообразила, что рука ее все еще лежит в его ладони, и легонько высвободилась. Несколько долгих секунд Кейд явно изучал ее. Николь себе не льстила и прекрасно понимала, почему он так смотрит, – оценивает. Два месяца она должна будет присматривать за его дочками. Да она сама бы его не уважала, возьми он ее на такую работу, всего лишь взглянув на резюме да поговорив по телефону. (Хотя, признаться, тогда по телефону ей пришлось изрядно понервничать.)

– Я подхожу вам? – наконец не выдержала она. Вот как скажет сейчас «нет», да как посадит ее на этот же самолет – и пока-пока, обратно в Мельбурн. Нельзя ей обратно! Мельбурн... в декабре! Все эти душераздирающие напоминания о сорвавшейся свадьбе! Ох, она этого не вынесет.

– Так почему же это место – идеально?

Идеально? «Анн-Николь, ты что, не можешь быть серьезна?! Сосредоточься, наконец!» – зазвенел у нее в голове голос матери.

– Ну, все это... – она неопределенно помахала вокруг себя, – все это так непривычно. Но это как раз то, что я себе представляла.

– И это хорошо?

– Думаю, да.

На самом деле даже очень хорошо. Но он не отступал.

– Люди, приезжающие в нашу глушь, частенько просто пытаются сбежать от чего-либо.

Она не опустила глаз и «перевела стрелки»:

– И именно так здесь оказались вы?

Тут раздалось фырканье Джерри, а Николь о нем и думать забыла, ей казалось, они с Кейдом тут одни.

– Любовь моя, да Хиндмарши здесь испокон веку живут, – сказал он. – На этой земле рождаются, здесь и умирают...

– То есть «нет»? – Николь вопросительно взглянула на Кейда.

Синие глаза снова блеснули.

– То есть «нет». И все-таки, почему здесь оказались вы?

– Некоторые люди... – Николь очень осторожно подбирала слова, – некоторые люди, когда ищут подработку, хотят при этом еще и испытать нечто новое. Вот вы выросли на этой земле, она для вас – обыденность... А для меня... для меня это приключение.

Хотя какие там приключения! Для нее это тайм-аут, передышка от кошмара, что ждал в Мельбурне, где все напоминало о ее чудовищной глупости, о том, что она наивная дуручка и в упор не видит, что творится у нее прямо перед носом. Но об этом лучше промолчать. А то он еще решит, что она сюда не работать приехала, а нервишки лечить.

«Ты сама знаешь, что это всего лишь побег от реальности, и, когда ты вернешься домой, ничего не изменится, Анн-Николь». Наверное, мама права. Но будем надеяться, что через два месяца она вернется другим человеком – более сильным, более жестким. Таких не используют, им не лгут, их не предают.

Наконец-то он улыбнулся!

– Добро пожаловать в «Ваминда-Доунс», Николь!

– Спасибо! – выдохнула она с облегчением.

И ее рот сам собой заулыбался, она ничего не могла с этим поделать. Ей захотелось подпрыгнуть и победно закричать Джерри: «Дай пять!» И похоже, тот даже что-то в этом духе заподозрил, потому что смущенно закашлялся. И тут Кейд улыбнулся ей так... Ее подруга Диана сейчас бы точно ткнула ее локтем под ребра и зашептала бы: «Смотри, какой сексуальный...» Мысль о подруге заставила ее немедленно взять себя в руки – и глаза Кейда вдруг сузились, а улыбка его стала таять, таять и исчезла вовсе. Николь направилась к своему чемодану. Она сюда тоже не дружить приехала. У нее тут работа!

И вообще, ей надо мозги на место вернуть! И то и другое требует полной сосредоточенности.

– Я привез генератор, что вы заказывали, – услышала она голос Джерри.

Мужчины выгружали что-то из самолета. Николь заметила, как шикарные мышцы на руках Кейда напряглись и стали еще более рельефными; но он ничуть не взмок от натуги. Кейд понес груз к автомобилю, и Николь, помахав на прощание Джерри, поплелась вслед за боссом. Высокий рост и широченные плечи его сразу стали еще более очевидны. Какой-то атлант. Он запросто закинул тяжеленную штуковину в багажник своего джипа и потом отправил туда же и ее чемодан. Она позволила это сделать лишь потому, что ему виднее, как там что укладывать в его же багажнике! А вовсе не потому, что сундук у нее неподъемный, а мускулы хилые. Хотя... кого она хочет обмануть? Еще одна ее цель – как следует здесь натренироваться. Через два месяца она будет жонглировать этим чемоданом. Поймав себя на том, что не может отвести от Кейда глаз, Николь отвернулась и стала наблюдать, как взлетает «сессна». А потом снова начала рассматривать пейзаж.

– Поразительно, – вырвалось у нее. – Все видно – куда хватает глаз, но нигде нет никаких построек. А где же сама усадьба?

– Земля здесь обманчива...

Кейд распахнул перед нею дверцу, и его предупредительность почему-то очень ее смущала – садясь в машину, она ушибла локоть и коленку.

«Ну ты и растяпа, Анн-Николь!»

Он сел за руль, и они поехали по... она не знала, как это назвать, и решила, что все-таки по дороге.

– А далеко до усадьбы?

– Примерно пять километров.

– А что, земля возле усадьбы не годилась под взлетную полосу? – спросила Николь.

Кейд взглянул в ее сторону. Вот не нравились ей эти его взоры – в последнее время уж очень часто приходилось ей видеть в глазах друзей унижительную смесь любопытства и жалости.

– В случае аварии может возникнуть пожар, загорится трава. Поэтому взлетно-посадочная полоса проложена подальше от жилья и пастбищ.

Машина преодолела небольшой подъем и остановилась. Раскинувшаяся перед ними панорама заставила Николь в момент позабыть про все ее установки – про «строгое, сдержанно, по-деловому».

– Вот это да!!! – выдохнула Николь. Потом опомнилась и добавила: – Очень впечатляет, мистер Хиндмарш.

– Кейд, – поправил он. – Мы тут особенно не разводим церемоний, Николь. Ну вот, это и есть усадьба.

Вот уж не думала она, что бывают такие усадьбы. Перед ними было грандиозное здание в форме буквы U – посередине главная постройка, по бокам отходят два крыла. Дом кипенно-белый, а гофрированная кровля – глубокого зеленого цвета. Деревянная веранда окружала сооружение. Но не дом и не его размеры так поразили Николь. Сад. Дом был окружен сказоч-

ным садом. Даже отсюда Николь могла различить изысканные купы папоротников и пышные кроны финиковых пальм, растущих на зеленых лужайках.

– Невероятно... словно оазис в пустыне!

– Мы пробурили скважины, – пояснил Кейд. – Но я остановился здесь не только для того, чтобы вы полюбовались видом. Мне нужно, чтобы вы усвоили кое-какие правила. В этих краях иначе нельзя – можно попасть в переделку.

Николь нахмурилась.

Он продолжил:

– Вам, возможно, кажется, что у вас «приключение». Но запомните: эта земля ничего не прощает.

– Хорошо, – пискнула Николь, почувствовав, что по спине пробежал холодок. Сообразив, как это прозвучало, она добавила уже «холодно, сдержанно, строго»: – Что мне следует знать, мистер Хиндмарш?

– Земля обманчива, – повторил Кейд. – Вроде бы ты знаешь, где стоишь, а потом шаг вправо, шаг влево – и ты уже не видишь ни дома, ни вообще чего-то знакомого. Раз, – он щелкнул пальцами, – и ты пропал.

У Николь упало сердце. А она-то собиралась по утрам бегать! Как же ей теперь худеть и набираться сил? Ведь надо вернуться в Мельбурн в шикарной форме, чтобы доказать Диане, Брэду и вообще всем, что она крепко держит судьбу за хвост. И, когда ее снова бросит жених, можно быть уверенной: это не из-за того, что она весит тонну...

– Поместье «Ваминда-Доунс» занимает три миллиона акров – это двенадцать тысяч квадратных километров. Такие пространства сложно прочесать.

Николь поняла подтекст – если умудрится потеряться, то могут и не найти.

– Видите вон ту белую изгородь по периметру? Она огораживает примерно шестнадцать квадратных километров придомовой территории – можете свободно гулять здесь, но никогда не выходите за забор в одиночку.

Прекрасно! Ей хватит для пробежки.

– Еще попрошу вас держаться подальше от скотных дворов и девочек туда не пускать. – Он указал на территории и постройки, что располагались поодаль. – Это конюшни, коровники, мастерские, общежития для сезонных рабочих. А вон те коттеджи – жилища постоянных работников и их семей.

Она только заморгала. «Ваминда-Доунс», похоже, огромное процветающее хозяйство.

– Отправляясь на прогулку, всегда мажьтесь кремом от загара, надевайте шляпу и берите с собой бутылку с водой. Здесь ведь сейчас лето, и солнце очень жаркое. Хотя в саду на удивление прохладно.

Ну, она сперва лично в этом убедится. До ближайшей больницы добираться надо на самолете. Так что не будем рисковать.

– И последнее.

Что-то в его тоне заставило ее повернуться к нему.

– Да?

Снова блеснули синие глаза.

– Зовут меня Кейд. Ну-ка, попробуйте.

Никогда она не стеснялась называть по имени своих работодателей, но с этим человеком все было по-другому. Слишком уж он хорош – и она бы хотела держаться от него подальше. Рядом с ним Николь особенно болезненно ощущала свои несовершенства.

«Тупица», – прозвучало у нее в голове. Она всего лишь няня его детей. Конечно, он будет называть ее по имени. Николь постаралась повыше держать голову. Надо быть «строгой, сдержанной, деловой». А еще умной, компетентной, респектабельной... Губы у нее пересохли, и, чтобы заговорить, ей пришлось облизнуть их, а он заметил это неловкое движение.

– Кейд, – прохрипела она.

Черт! Его имя чуть не ободрало ей глотку. Да уж, «строго, сдержанно, по-деловому».

Он приподнял бровь:

– Ну вот, видите? Не так уж трудно, правда? – И, не дожидаясь ее ответа, он вновь тронулся с места.

Николь принялась рассматривать сад. И тут с недоумением заметила, что в листве пальмовых деревьев что-то сверкает, а на лужайке перед домом стоят какие-то странные скульптуры. Когда они подъехали поближе, рот у нее сам собой раскрылся от изумления.

На пальмах блестела мишура! А фигурки на лужайке... мать честная, это были деревянные, выкрашенные в невероятно яркие цвета рождественские персонажи! Вот все олени Санты, а вот – и сам Санта, так и лопается от счастья. С потолка веранды свисали золотые и серебряные снежинки, красные и зеленые звездочки, а мишура вообще обвивала все, что только можно.

Ее затрясло. Рождество. Конечно, она понимала, что сделать вид, будто его совсем не бывает, не удастся – ведь у Кейда дети. Но она думала, что здесь, в жаркой стране, оно не будет уж таким... разнузданным! Чуть-чуть Рождества она бы могла вынести, но такого буйства радости... ох, нет! Сердце болезненно сжалось.

Машина остановилась у дорожки, по обеим сторонам которой возвышались два гигантских «леденца». Как догадалась Николь, вечером они будут светиться. Дорожка вела к крыльцу веранды и, собственно, к входу в дом. Входная дверь была сработана на совесть, раз уж она не рухнула под тяжестью висевшего на ней грандиозного рождественского венка. А на крыше веранды восседали два толстых деревянных ангела и трубили в свои рожки, неизвестно чему радуясь.

Николь вовремя стиснула зубы, потому что нечто несдержанное, нестрогое и неделовое так и рвалось с языка. Она обхватила себя и молча глядела на все это рождественское бесчинство, то и дело моргая, так как мишура искрилась на солнце. Ох, как больно ей было видеть столь живое напоминание о несостоявшейся свадьбе, которую она планировала как раз под Рождество! И все рассыпалось, оставив после себя лишь пустоту...

Шла первая неделя декабря. Она взяла месяц отпуска у себя на работе в школе. Плюс четыре недели каникул. Рождество и приготовления к свадьбе так прочно переплелись для нее в одно, что ей необходимо было как можно дальше убежать ото всех этих венков и оленей. И что же? Какая жестокая шутка! Какое изощренное издевательство!

– Держу пари, мы вас застали врасплох, – усмехнулся наблюдавший за ней Кейд.

Но она так и не смогла раскрыть рта – ни возразить, ни согласиться, ни отшутиться.

– Как вам?

Да отвратительно. Но правда ему не понравится. Не грубить же человеку, который вроде как берет тебя на работу. К тому же это было бы совсем не похоже на «сдержанное, строгое, деловое» поведение – вот так взять и охаять чужую радость. Что бы такого сказать поизящнее, чтобы прозвучало не обидно?

Николь повернулась к нему – и поняла, что зря старается. Судя по всему, он прекрасно прочел истинные чувства на ее лице. Глаза его сузились. И хотя она и раньше не отрицала, что парень он крепкий, но теперь ей показалось, что выглядит мистер Хиндмарш несколько угрожающе. Светски улыбнуться у нее сейчас не получится, да и не стоит, пожалуй...

– Я думала, что оставила все это в городе, – честно созналась она.

– Так вот от чего вы бежали. – Его губы затвердели.

– Ни от чего я не бежала!

Он откинулся назад, но его глаза неотступно следили за ней. Как странно видеть такие синие глаза на таком загорелом лице. Николь казалось, что сердце бьется у нее где-то в горле.

– Я привез генератор, чтобы подключить все это хозяйство. Мы засветим гирлянды по всему дому и в саду – на неделю, а то и две.

Да уж, поместье будет выглядеть словно мультяшный замок. Или разукрашенный свадебный торт... Ей уже было нечем дышать.

– В этом году Рождество у нас будет на широкую ногу, мисс Мак-Гиллрой. А если для вас это проблема, то еще не поздно. Я вызову Джерри, и он доставит вас обратно.

Ага, и она окажется посреди все той же блескучей, фальшивой рождественской дребедени – только в Мельбурне. Нет уж, спасибо! Она сможет построить веселую физиономию и пережить Рождество здесь. Здесь ведь люди ничего не знают про ее кошмар. Они не будут шушукаться, они не станут утешать. Жалость ее уже почти убила...

– Я думала, что... мы договорились насчет имен, Кейд.

Очень медленно напряжение стало отпускать его.

Она отвернулась и снова оглядела все это рождественское буйство.

– Моя мама назвала бы это верхом слащавости.

Он не возразил, и ей полегчало. И вдруг...

– Передадите это Элле и Холли – и я вас придушу.

Она не поверила своим ушам. Но все же парировала свысока:

– Я няня, а не злая ведьма!

– Просто хотел напомнить, чтобы вы оставались в образе.

Она задумалась, нахмурившись.

– А ведь вы тоже не показались мне большим любителем Санты, Кейд.

Это правда. Зрелый, сдержанный – да. Веселый? Беззаботный? Жизнерадостный? Она покачала головой. Но, в конце концов, он же отец, одинокий отец, и для него важнее всего, чтобы его дочери были счастливы.

– Я никогда не испорчу Рождество детям, – заверила она его.

Он вновь оглядел ее и, наконец, сказал, кивнув:

– Я рад, что мы это уладили.

Он по-прежнему не казался ей таким маленьким помощником Санты, но теперь она не сомневалась, что он – преданный отец. Ее это тронуло, и... и ей не понравилось, что ее это тронуло!

– Когда я смогу увидеть Эллу и Холли? – заставила себя Николь вернуться к реальности.

Кейд все еще смотрел на нее задумчиво, затем махнул в сторону бокового окошка:

– Я бы сказал, прямо сейчас.

Николь обернулась и... влюбилась!

У четырехлетней Эллы и полутороговой Холли были самые улыбчивые и забавные мордашки на свете. Девчонки вприпрыжку бежали к машине.

На них были одинаковые красно-зеленые сарафанчики.

Бог мой! Такого она не ожидала, когда расписывала себе свои планы – оставаться сдержанной и так далее. Она выскочила из машины, сама разулыбавшись совершенно не строго и не по-деловому. «Ладно, дети не считаются», – быстренько сделала она поправку в своих установках. Дети ведь не умеют притворяться и предавать. И уводить чужих женихов.

Кейд внимательно наблюдал, как Николь знакомится с девочками. За две с половиной секунды она завоевала их сердца. Но он не поставил ей этого в заслугу – задача была не сложна. Холли и Элла доверчивы. Они бы с таким же восторгом отнеслись к появлению, например, Джерри-пилота, приди отцу в голову идея притащить его им в няньки. Кейду стало горько – малышам нужна мать. Мать, а не няня. И, сколько ни развешивай мишуры на деревьях, как ни заваливай их подарками – этой потери не восполнишь. Он сжал кулаки. А все-таки подарить им самое замечательное Рождество в его силах!

Он вышел из машины и услышал, как Элла спрашивает:

– А можно, я буду называть тебя Никки?

Николь покачала головой:

– Вот уж нет! Все друзья меня зовут Ник!

Элла захлопала в ладоши, но Кейд заметил, что при упоминании о друзьях тень легла на лицо Николь. И ему вдруг захотелось прогнать эту тень. Он сам не знал почему. В Николь не было ничего этакое. Среднего роста, среднего веса – может, чуть пухлее, чем принято модой. Когда она вышла из самолета и стала оглядываться вокруг, а улыбка заиграла на ее губах, Кейд был очень доволен. Потом стал еще более доволен, когда пожал ее руку. А потом она вдруг стала колкой и неприятной – он так и не разгадал почему. Он старался ничем ее не напугать. Кейд понимал, что человек его сложения вполне может напугать девушку, оказавшуюся с ним наедине где-то в глуши. Но еще он понимал, что она совершенно точно не хочет быть отправленной назад.

Николь наклонилась, положив руки себе на колени, – так ей было удобнее разговаривать с детьми. Самые обычные каштановые волосы, самое обычное лицо. И одежда самая обычная – мешковатые джинсы и свободная рубашка. Но глаза... они точно необычные! И эта тень печали в глазах... Но Рождество – не время для всяких там теней! И его «Ваминда-Доунс» – не место для теней!

А все-таки она точно удирает от чего-то. Кейд проверял ее данные – ничего криминального за ней не значилось. И то, как она держалась сейчас с его дочками, убеждало его: ей, учительнице, можно доверять. Но достанет ли у нее самообладания, чтобы не отравить своими собственными печальми Рождество его девочкам?

За ним должок с прошлого года – воспоминание о том, что он сам лишил своих девчонок праздника год назад, вызвало в нем острое чувство вины. Он тогда должен был сделать усилие над собой, но не стал – оказался не в состоянии достойно пережить уход Фрэн. Достойно вынести ее чудовищное равнодушие к детям. Достойно принять крушение их брака. Он позволил отчаянию, гневу и горечи сожрать Рождество. Но в этот раз все будет по-другому. Он приложит все мыслимые усилия, и у его детей будет самое что ни на есть рождественское Рождество!

Тем временем Элла взяла Николь за одну руку, Холли – за другую, и они отправились полюбоваться на Санта-Клауса. Кейд вспомнил, какой вселенский ужас отразился на лице Николь, когда она впервые рассмотрела фигуру на лужайке. А потом вдруг у него в памяти всплыл кусочек их телефонной беседы, тогда, пару недель назад: «Мистер Хиндмарш, вы вдовец, в разводе или в раздельном проживании? Я знаю, это очень личный вопрос. Но мне нужно быть в курсе таких обстоятельств, чтобы найти подход к вашим детям и не травмировать их случайно». Он сказал ей правду – в разводе. Но... больше ни одна претендентка не решилась задать подобного вопроса. Голос Николь звучал совершенно спокойно, но он понимал, что ей пришлось собрать все свое мужество, чтобы спрашивать работодателя о подобных вещах. Он расценил это как проявление профессионализма и выбрал именно ее.

Николь запрокинула голову и расхохоталась над чем-то, что сказала Элла, и Элла тоже расхохоталась, и тут уж и Холли за компанию расхохоталась, не желая отставать, и вот они все трое буквально повалились от хохота на траву. Николь сгребла его детей в охапку, и ее лицо просияло, словно внутри ее кто-то зажег маленький светильник. Кейд ощутил, что земля уходит из-под ног, и невольно отступил подальше от этой валяющейся на лужайке тройцы.

– Малыши встретились с новой няней?

Марта Хэррисон – которую все звали просто Хэрри – вышла из дому.

– И кажется, они уже сшибли ее с ног...

Николь удалось подняться, и она снова выглядела обычной. А земля перестала качаться у Кейда под ногами. Он представил женщин друг другу. В то время как Николь полностью вернула самообладание, ему становилось все больше не по себе. Хэрри повела гостью в дом, и Кейд неохотно поплелся за ними. Там домоправительница и девочки повели Николь наверх, чтобы показать ей комнату, но Хэрри вскоре вернулась в кухню, где Кейд сидел один и ждал.

– Что тебя тревожит? – спросила она его.

– Где девочки?

Пожилая женщина хмыкнула:

– «Помогают» Николь разобрать вещи.

– Ты не находишь ее... несколько странной, напряженной? – решил спросить он.

– По мне, так она вполне адекватна и общается легко и просто. – Хэрри включила чайник. – Не забывай, девочка с дороги. Путь был очень долгий, и это многое объясняет.

Все это так, но... Кейд не мог успокоиться. Год и четыре месяца, как ушла Фрэн. Он, прямо скажем, недодал детям внимания и радости в эти долгие месяцы. Но сейчас «Ваминда-Доунс» будет праздновать на полную катушку. И от Николь потребуется окунуться в праздник с головой.

Глава 2

Назавтра, ровно в десять минут седьмого, облаченная в широченную футболку и шорты, Николь распахнула французские окна в своей комнате и оказалась на веранде. Утреннее солнце ударило ей в глаза. Эх, никогда она не была жаворонком. Десять минут седьмого, а уже такой зной! В такое пекло нечего и думать о пробежке!..

Так, хватит! Еще даже не начала, а уже саботируешь! Вдох-выдох, на зарядку становись! И она приступила к растяжке, стараясь дотянуться руками до пола. Она здесь, чтобы измениться! Вдох-выдох! Пусть это убьет ее, зато она вернется в Мельбурн красивой и сильной. Вот.

Николь стиснула зубы и потянулась еще сильнее. «Так и буду вставать в шесть утра. Целый свободный час, прежде чем проснутся дети. И прежде, чем зной раскалит здесь все докрасна».

Думая про Элли и Холли, она не удержалась от улыбки. Такие чудесные девчонки. Они сразу подкорректировали ее жесткий план, но она не жалела. Дети не притворяются твоими друзьями, чтобы было проще разбить тебе сердце на куски и растоптать ногами. Эта мысль причинила ей такую боль, что она невольно остановилась и прижала руку к глазам. Сколько можно! С тех пор прошло уже три месяца! Вдох-выдох!

«Люди, приезжающие в нашу глушь, частенько просто пытаются сбежать от чего-либо»...

Но это не побег! Просто... со временем ей почему-то совсем не стало легче видеть Диану и Брэда вместе. У нее не достало бы душевных сил провести эти рождественские каникулы в Мельбурне. Она не смогла бы и дальше удерживать на лице маску «я все понимаю, я ни на кого не в обиде, в жизни бывает всякое, мы все взрослые люди и т. д. и т. п.», тогда как сердце ее истекает кровью. Притворяться веселой, чтобы не испортить рождественское веселье всем своим друзьям? Она чужая на этом празднике жизни. Но когда-нибудь она найдет в себе силы...

Сэмми, щенок Эллы и Холли, появился откуда-то из-за угла и запрыгал вокруг, всячески с нею заигрывая. Его буквально разрывало от восторга и радости при виде Николь. В конце концов он шлепнулся на спинку и упросил-таки ее пощекотать его розовое толстое брюшко. Ладно, так и быть – собаки тоже не считаются. И она сделала еще одну поправку в своих планах.

– Пойдешь со мной на пробежку, Сэмми? – Николь спустилась по ступеням веранды, и щенок скатился следом. – Только дай мне фору, потому что я не уверена, что когда-либо в этой жизни мне уже доводилось выходить на пробежки. Вот что, Сэмми, план таков: сперва бежим до изгороди, а потом оббегаем ее по периметру и возвращаемся на то же место.

«Анн-Николь, ты что, разговариваешь с собакой?!» Николь потрясла головой, словно отгоняя материнский голос. «Ты когда-нибудь начнешь заниматься?!»

Сэмми подскочил и поставил на нее передние лапки.

– Эх, Сэмми, тебе-то все равно, толстая я или стройная, как осина!

Это, кстати, одна из причин ее любви к собакам... и к детям. Сэмми завилял хвостиком, и, как ни глупо, ей стало легче на душе.

И они побежали. Ее новенький спортивный бюстгальтер был о-о-очень хорош, но... не настолько хорош, как она надеялась. Наверное, надо бы подтянуть лямки. Хотя, если их еще чуточку подтянуть, кровь вообще перестанет циркулировать. Бог ты мой, а чего же он так колется и натирает грудь по бокам? В примерочной ничего не натирало!

– Красота требует жертв, Сэмми, – доверительно пропыхтела Николь на бегу. Она купила сразу два таких бюстгальтера – второй на размер меньше. Его она наденет через месяц. Оба бюстгальтера были обескураживающе дороги. Когда она за них расплачивалась, то сказала

себе, что теперь у нее будет стимул не сдаваться. А еще она надеялась, что такая дороговизна обернется необычайным комфортом в носке. Но тут она точно просчиталась.

К тому времени, как они с Сэмми добежали до ограды, Николь хватала воздух ртом. Мой бог! Три минуты? Она потрясла руку с часами, не веря своим глазам. Прижала часы к уху. Тикают, проклятые!

– О'кей, Сэмми, планы изменились. Три минуты бега, три минуты ходьбы. Потом снова. И так далее...

И, переборов себя, Николь снова тронулась с места. В конце концов, она знала, что потребует борьба, – нельзя же измениться за секунду, к ее талии, животу и попе прилипло слишком много изюма в шоколаде!

Легкие немилосердно жгло, ноги налились свинцом, и она решила обозревать окружающие красоты, чтобы отвлечься. Она глазела по сторонам, стараясь все-таки примечать и камни, и кочки у себя на пути.

– Уф-ф, Сэмми, три минуты прошли!

И они снова припустили бегом, и теперь она думала о том, сколько стоили ее новые кроссовки. В четыре раза дороже, чем бюстгальтер. А гляди ж ты, пылью покрылись и стали точно такие же, как ее дешевая старая пара... Так, она бежит уже полторы минуты... Тут Сэмми решил сцапать кузнечика, и, в попытке не наступить на песика, она резко взяла вправо, не удержалась и со всего маху шлепнулась на живот прямо в рыжую грязь.

«Очень изящно, Анн-Николь!» Да уж. Она попыталась протереть глаза и выплюнуть песок, попавший в рот. Но какое же блаженство вот так лежать неподвижно! Сэмми, забыв про кузнечика, тут же кинулся заботливо вылизывать ей лицо мокрым и липким язычком.

– Сэмми, отстань!

Какая-то тень накрыла Николь. О, Матерь Божья! Кейд! Она застонала и уселась на земле. Ну почему нелегкая принесла его в такой унижительный момент?

– Не поранились?

– Нет.

Он махнул кому-то – она увидела еще двоих мужчин, с интересом наблюдавших за происходящим. Повинуясь его знаку, они вернулись к работе, но сознание того, что весь этот фитнес-кошмар произошел на глазах у изумленной публики, заставило Николь залиться краской.

– Хватайтесь. – Кейд протянул руку.

Вряд ли было возможно послать его куда подальше, так что пришлось уцепиться за него и позволить поставить себя на ноги. Николь вытирала лицо, отряхивала и грудь, и живот, стараясь не встречаться с ним взглядом.

– Меня не нужно провожать.

– Уверены? – Его голос дрогнул от сдерживаемого смеха, и она закрыла глаза.

Щеки заалели еще гуще. Интересно, что унижительнее: если он думает, что она такая красная со стыда или что ее этак проняло от «спорта»?

– Хочу убедиться, что вы целы, не подвернули лодыжку и не повредили колено.

– У меня все отлично. – Если не считать убитого собственного достоинства, но тут уже ничего не попишешь.

– Тогда нам надо переговорить.

«Только не это!»

Кейд усадил Николь на ступеньки веранды и осмотрел ее локти и коленки.

– Доктор далеко, – напомнил он.

Она считала облачка в небе и старалась не замечать тепла его пальцев на своей коже. Наконец он сел рядом.

– Так что это у нас за идея с пробежками?

Краска вновь залила ее лицо и шею.

– Ох. Я...

Ей пришлось отвести взгляд. Он смеется над ней. Ну да, в Мельбурне тоже бы животики надорвали.

– Николь?

– Ну, я соблазнилась этими просторами и свежим воздухом и... – Она стиснула кулаки. Здоровый дух в здоровом теле. Ладно, не за один день, но она могла бы измениться! Допустим, подруга увела у тебя жениха. Это еще не делает тебя неудачницей во всем!

– В это время года воздух здесь скорее пыльный, чем свежий.

Она промолчала.

– Почему у вас нет с собой воды?

Николь взглянула ему в лицо. Нет, он не смеется. Он что, не думает, что все это нелепо и все такое? Выговаривает ей насчет воды...

– Если еще раз увижу вас на пробежке без бутылки с водой, я с вами буду разговаривать очень серьезно. Понимаете?

Она кивнула.

– И вроде бы пока рановато для новогодних обещаний начать новую жизнь? – Кейд нахмурился.

– Привести себя в хорошую форму – это еще прошлогоднее обещание. – Николь вздохнула. – Так что, сами видите, у меня уже сроки горят.

Его смех был совсем не обидным.

– По-моему, женщины слишком заиклены на «хорошей форме», – сказал Кейд.

Ну да, ну да. Если бы она весила поменьше и больше внимания уделяла своей внешности, Брэд, уж наверное, не бросил бы ее ради Дианы.

Кейд неторопливо оглядел ее фигуру из-под полуприкрытых век. Почему ей польстил этот взгляд?

– По-моему, вы выглядите прекрасно. – Он пожал плечами.

Она не хотела выглядеть «прекрасно»! Она хотела выглядеть сногшибательно! Роскошно, потрясающе! Чтобы мужчины падали от восторга, глядя на нее... Что-то подсказывало ей, что такого не будет, даже если она сбросит лишний вес и станет ухоженной леди.

Внезапно его глаза сузились.

– Я не хочу, чтобы вы заикливались на своем весе, сидели на безумных диетах и упражнялись до потери пульса, пока находитесь здесь.

Николь поняла, чего он боится. В конце концов, не зря же она учительница.

– Обещаю, я ни на чем не буду заикливаться, – сказала она твердо. – И я не собираюсь подавать девочкам пример нездорового отношения к своему организму.

Кейд внимательно посмотрел на нее, и это смутило ее. Она взглянула на часы.

– Элле и Холли пора вставать и завтракать. – И она сбежала.

* * *

Когда немного позже Николь с девочками вошли в кухню, они обнаружили там Кейда, сидящего за общим столом. Аппетит Николь мгновенно улетучился.

– Вы, должно быть, проголодались после пробежки?

Он спросил как ни в чем не бывало, но глаза его оставались остры и внимательны.

– Еще как! – Николь была настороже.

Ясно, уплетать придется за обе щеки. Но можно ведь есть здоровую пищу. Она съела хлопья с йогуртом, стараясь не смотреть на яичницу с беконом и тосты с фасолью, которые ел Кейд. Хлопья и кислый йогурт! Боже, какая вкуснотища! Врушка. Она вполне могла употребить всю эту клетчатку и лактобактерии и без такого напускного энтузиазма, но Кейд

неотступно следил за нею. Наверное, ее должно тяготить его внимание, но, как ни странно, было комфортно.

Они закончили завтракать, и Кейд поднялся.

– Пойдемте, Николь, я хочу вам показать кое-что. Мне кажется, вам будет интересно.

Она молча пошла за ним куда-то в глубь дома. На нем были джинсы, и сидели они отлично, обтягивая мускулистые бедра. Она не могла прекратить пялиться на него, чувствуя, что... он как-то слишком сексуален. Ее организм вдруг вздумал откликнуться на нового босса. Пришлось облизнуть пересохшие губы, стиснуть кулаки и прикрикнуть на себя: ни в коем случае!

– Ни в коем случае!

Он испуганно обернулся:

– Что случилось?!

Его недоумевающий вид моментально успокоил всякие ненужные пульсации. Она запаниковала. Вот ведь дурочка, да этот человек видит в ней всего лишь свою подчиненную. Ему и в голову не приходит, что она женщина, с которой можно переспать.

– Николь?

Она встряхнулась.

– Да так, просто мелькнула одна из этих мыслей... ну, вы знаете. Как гром среди ясного неба. Выключила ли я духовку?

Он шагнул к ней.

– Что? В Мельбурне?

Она кивнула.

– И?..

– Сто процентов, что выключила.

Он нахмурился:

– Уверены? Может быть, хотите кому-нибудь позвонить, чтобы проверили?

Она затрясла головой:

– Совершенно, абсолютно убеждена!

Кейд распахнул дверь в дальнем конце коридора, вошел в темную комнату и сразу поднял жалюзи, чтобы впустить дневной свет. Николь огляделась и раскрыла рот от изумления.

– Тренажерный зал!

Беговая дорожка, велотренажер, тренажер для гребли, силовые тренажеры. О, здесь было все необходимое! Она прошла по комнате, водя пальчиком по сверкающим поверхностям.

– Потрясающе! Можно мне здесь заниматься?

– Конечно. Всем можно, но, мне кажется, с тех пор, как ушла Фрэн, сюда заходили только для уборки.

«Фрэн?»

– Моя бывшая жена, мать девочек, – сказал он, отвечая на ее невысказанный вопрос. На его лице застыло напряженное выражение, словно он предупреждал ее воздержаться от расспросов. У него тоже есть свои демоны? Когда Кейд повернулся и вышел, Николь досчитала до десяти, прежде чем пойти следом...

– Как прошел день?

Она отложила нож и вилку. Приближались к концу вторые сутки ее пребывания в «Ваминда-Доунс». С того момента, как Кейд вчера показал ей зал, они с ним вряд ли перекинулись и парой слов.

– О, спасибо. Неплохо.

– Девочки вас не очень замучили?

– Нет!

– Так вы освоились?

– Да, конечно. – Она взглянула на Эллу и Холли, и улыбка сама собой расцвела на ее лице. – У вас чудесные девочки. Я не могу передать, какое удовольствие мне доставляет их компания!

Уголок его рта пополз вверх.

– Действительно, это написано у вас на лице.

Неужели ее так легко читать? Николь мечтала научиться выглядеть непроницаемо.

– Это была не критика, – спокойно заметил Кейд.

«Черт, опять!» Она изобразила вежливую улыбку.

– Хочу поблагодарить вас за возможность пользоваться тренажерами.

Кейд отмахнулся от ее благодарности, но в глазах его заплясали чертики.

– Как там беговая дорожка? Удалось устоять на ногах?

Она едва не поперхнулась водой, увидев его улыбку.

– Это удар ниже пояса!

– Не смог удержаться. – Он сделал глоток пива. – Никаких трудностей с тренажерами не возникло? Где-то должны валяться инструкции...

– Нет, все прекрасно работает. Должна признаться, проклятую беговую дорожку я ненавижу меньше, чем эту дьявольскую греблю...

Он изумленно уставился на нее, а потом запрокинул голову и разразился хохотом. Хэрри засмеялась. Элла засмеялась тоже, хотя Николь и подозревала, что она понятия не имеет, от чего покатывается. Просто хотела посмеяться за компанию. Ну, и чтобы не скучать в одиночестве, Холли тоже залилась смехом.

«Анн-Николь, ты идиотка?» Николь внутренне сжалась. Она должна держаться с холодной вежливостью, а не ляпать что бог на душу положит! Стыд и отчаяние затопили ее. Ну почему, почему она никак не может усвоить одну простейшую вещь – что стоит сначала подумывать, прежде чем брякнуть. Дурочка. Неудачница. Тряпка! Это уже не мамин голос звучал в ее голове, это она сама готова была кричать себе. Она закрыла глаза.

– Простите. Я не то хотела сказать. Я хотела...

Кейд поднял бровь. Он уже не смеялся, но все еще улыбался, и она с удивлением поняла, что ей уже трудно удержаться и не улыбнуться в ответ.

– На самом деле тренажеры отличные. Просто я и фитнес – мы никак не найдем друг друга.

– Дорогая, ты не одна такая! – Хэрри успокаивающе погладила Николь по руке. – Послушай, может, сегодня запустишь вместо меня посудомоечную машину? Мне так хочется испачкать малышей!

– По рукам. – Николь поднялась и начала собирать посуду со стола.

Хэрри унесла малышку Холли и увела Эллу. За столом остался один Кейд. Чего он ждет и почему так смотрит на нее? Николь не понимала выражения его глаз, но чувствовала, что под его взглядом покрывается мурашками. Она хотела что-нибудь сказать, просто потому, что тишина нервировала ее. Но ничего подходящего так и не пришло ей в голову. Тогда она начала заполнять посудомоечную машину, страдая от его молчаливого присутствия.

– Николь, – наконец нарушил тишину Кейд. – А ведь вы не показались мне большой любительницей тренажерных залов.

Конечно же нет. Она большая любительница свернуться на диване с хорошей книжкой и банкой изюма в шоколаде. Вот вид спорта, в котором она чемпион. Но, пожалуй, не стоит об этом распространяться.

– А я думала, мы остановимся на том, что я не большая любительница бегать трусцой, – улыбнулась она. – Поверьте, чтобы я там ни сболтнула, я знаю, фитнес мне необходим, и

очень ценю возможность пользоваться вашим тренажерным залом! – Она засыпала порошок в машину и включила ее. – Одним словом, я твердо намерена не сдаваться!

Кейд поднялся.

– Пойдемте со мной, я вам кое-что покажу.

Ой-ой. В прошлый раз он вот так показал ей зал.

Кейд засмеялся, видя ее колебания.

– Вам очень понравится, обещаю!

Николь правда пахнет клубничным джемом? Впервые он заметил это, когда поднимал ее с земли прошлым утром. И с тех пор никак не мог выкинуть из головы свое неожиданное открытие. А сейчас, идя рядом с ней, он точно убедился, что ему не почудилось. Кейд бросил на нее быстрый взгляд. Девушка-шарада. Стоит ей забыться и отпустить свою внутреннюю стражу, как она сразу ляпает что-нибудь настолько забавное, что он не может удержаться от хохота. И она очень искренняя с детьми. А вот с ним и с Хэрри гораздо более сдержанная. Да, особенно с ним.

Но эта тень грусти, прячущаяся в ее глазах, – она ему решительно не нравилась. Она напоминала о прошлогоднем Рождестве – о том отчаянии и страданиях, которые ему самому пришлось перенести. Не нужно ему больше никаких страданий! Никаких теней! Только рождественские гимны, огни и веселье. Правда, похоже, что беговая дорожка и гребля не помогут Николь обрести бодрость духа. Как бы, наоборот, не прибавили тоски в ее глазах! Наверное, ей подошел бы командный спорт. Увы, он не сможет сколотить здесь для нее футбольную команду. По крайней мере, пока не приедут его родственники – еще целых десять дней. Но у него есть кое-какая идея, и он надеется, что покончит с тенью!

Кейд пропустил ее вперед и распахнул двери конюшни. Стоял ранний вечер, и здесь было сумеречно. Он взял Николь за руку и подвел к стойлам. Глаза ее широко распахнулись, когда она увидела лошадей. Дыхание участилось, и рука, которую он сжимал в своей, наконец ожила. Кейд выронил ее кисть и приказал себе немедленно выбросить ерунду из головы. Они подошли к одной из кобыл. Лошадка тихонько заржала и потянулась к нему в поисках угощения. Кейд скормил ей сахар, который захватил еще в кухне.

– Это Скарлетт О’Хара. – Он увидел, что Николь смотрит на кобылу так, словно никогда прежде не видела лошадей. – Пока вы живете в «Ваминда-Доунс», она ваша, катайтесь.

Почему она так смотрит? Она не поняла, что он сказал? Кейд спрятал руки в карманы. Он ошибся? Но она любит детей. Она любит собак. А значит, она должна и лошадей любить, разве не так? Он пожал плечами:

– Я хочу сказать, если вы хотите кататься верхом, то, пожалуйста, я буду рад научить вас. Но если вы против, то, конечно, не надо!

В глазах у нее появились слезы, и он в ужасе отступил на шаг. Черт возьми! Она что, сейчас расплчется? Николь сложила ладошки у груди, как в молитве.

– Это правда?

«Ну прямо как Элла, честное слово». Он расправил плечи и очень осторожно заглянул ей в лицо.

– Разумеется, Николь!

Наконец ее глаза стали нормальными... если «поразительные» значит «нормальные»...

– Всю мою жизнь, – прошептала Николь, протягивая руку и касаясь лошадиной шеи, – всю мою жизнь я мечтала научиться ездить верхом.

Вот сейчас она настоящая. Глаза сияют, личико оживленное. Она улыбается так же, как улыбалась Элле и Холли. Улыбается от всего сердца. Ему. Он ощутил толчок в сердце. Огонь пробежал по венам и вспыхнул в груди. Невозможно ошибиться, в нем просыпалось влечение. Впервые за шестнадцать месяцев. Кейд немедленно отошел еще на шаг и выпалил:

– Первый урок – утром, строго в шесть пятнадцать.

А потом... развернулся на каблуках и ретировался. Даже на ее «спасибо», выкрикнутое уже ему вслед, не ответил.

Глава 3

«Строго в шесть пятнадцать» Кейд малодушно отправил на первый урок Джека, своего помощника. А сам даже не пошел посмотреть. Но любопытство мучило его все утро. Когда он увидел Эллу, Холли и Николь, расположившихся в тенечке на большом клетчатом пледе, то не выдержал и решил посмотреть, чем они занимаются.

Подойдя ближе, он услышал, что девочки распевают «Танцуй, Матильда!», а Николь подпевает им что-то вроде «тра-ла-ла-ла...». При этом все трое склонились над... над чем-то. Вокруг искрились рождественские декорации, и Кейду было не понятно, почему, черт возьми, они не поют рождественские песенки?

Николь поймала его взгляд, и от неожиданности он прикусил губу. Тут вдруг Холли, без объявления войны, прыгнула на Николь, и девушка ловко подхватила ее под спинку. Она ласково убрала кудряшки с лобика малышки и запечатлела на нем быстрый поцелуй. А потом снова взяла... карандаш, вот что это было. Они с Эллой раскрашивали гигантскую раскраску, лежавшую перед ними. Кенгуру, коалы, вомбаты, страусы эму... Кейд улыбнулся, когда увидел, что среди реальных представителей фауны в раскраске изображен монстр Буньип – жуткий водяной из австралийских сказок. Элла как раз разрисовывала его в оранжевую и малиновую полосочку.

Кейд залюбовался всей честной компанией, и на душе у него потеплело. Конечно же было бы еще лучше, если бы они пели «Джингл Беллс» и рисовали Санта-Клауса. Но очевидно, что дети прекрасно чувствуют себя рядом с Николь, и за это он ей благодарен.

– Элла, – сказала Николь, прервав песенку на полуслове, и только тогда Кейд осознал, что у нее прекрасный музыкальный слух и голос. – Знаешь, у меня есть глаза на затылке, и я вижу твоего папу, который стоит позади нас!

Элла мгновенно повернулась и с визгом кинулась к нему на шею. Он подхватил ее на руки.

– Ник – волшебница, – пояснила девочка.

– Не иначе, – согласился он.

– Ничего подобного, – заявила Николь. – Я – учительница младших классов, и глаза на затылке входят в список обязательных требований.

Ее улыбка вовсе не зажгла пожар желания в его крови, и ему полегчало. Значит, вчера вечером это просто гормоны разыгрались.

– Как прошел сегодняшний урок?

Она просияла:

– О! Это было так весело!

Внутри у него что-то радостно дрогнуло.

– Надеюсь, вы не возражаете, что заниматься пришлось с Джеком?

– Ну что вы, вовсе нет! Он прекрасный учитель!

И Кейд понял: она даже рада, что вместо него пришел Джек. Это ощутимо укололо его самолюбие.

– Джек сказал, я прирожденная наездница и у меня все получается.

Джек и ему когда-то так сказал – после того, как Кейд совершенно измотался. Очевидно, старику понравилась Николь.

– Все тело ломит? – из вредности спросил он.

– Пока нет.

Кейд уже собирался сообщить ей, что завтра утром она не встанет, но тут Элла выбралась из его объятий.

– Папа, посмотри нашу картинку. Ник привезла очень толстую раскраску, и мы каждый день можем раскрашивать по картинке.

– А рождественские тут есть? – невинно спросил он.

Николь покраснела, но не опустила головы:

– Это все сценки из жизни австралийских животных.

Он строго посмотрел на Николь и поджал губы.

– Ну-ка, спойте мне песенку про Санту, прежде чем я снова уйду работать.

Элла захлопала в ладошки. Николь, он мог бы поклясться, закатила глаза.

– «Рудольф, олень красноно-о-осый...» – затянула Элла, и Николь, слегка припозднившись, подхватила мелодию.

– А теперь берите карандаш и порисуйте с нами. – Николь протянула ему коробку. – Либо присоединяйтесь, либо возвращайтесь к работе. Выбирайте!

Это прозвучало так по-учительски, что он усмехнулся. Пришлось ему тоже запеть и раскрасить коалу. Синим цветом.

Когда они закончили, Элла так и прыгала от счастья.

– До Рождества осталось только двадцать раз поспать! Мне нужно много-много подарков, – поставила их в известность малышка. – Во-первых, кино про Рапунцель. Во-вторых, машинка-кемпер для моей Барби...

Кейд загадочно ухмыльнулся. Он-то выписал DVD и целую гору кукольного добра еще полтора месяца назад. В таком деле нельзя рисковать. Вдруг раскупят? Сейчас все подарки надежно запрятаны на верху его шкафа.

– Ник! – вдруг воскликнула Элла. – А ты что заказала Санте?

– Я не жду подарков от Санты, ведь я уже взрослая.

Кейд предупреждающе прокашлялся:

– В «Ваминда-Доунс» Санта приносит подарки всем.

В глазах Николь мелькнуло понимание.

– Каждый год, – поведала Элла, – Санта приносит Хэрри огромную коробку шоколадных конфет и... и... что-то в бутылке.

Николь быстро взглянула на Кейда:

– Духи?

– «Бейлис айриш крим», – сознался он.

Ее губы дрогнули.

– Ой, ты знаешь, Элла, именно это я бы тоже хотела получить от Санты!

– Как? Машинку для Барби?! – изумилась девочка.

– Она у меня уже есть! – поклялась Николь. – Санта принес, когда мне было шесть лет.

Кейд нахмурился. Коробка имбирных пряников в шоколаде и бутылка ликера вдруг показали ему совершенно не подходящим подарком для Николь.

– А если бы вы могли получить все, что угодно, что бы вы попросили?

Она пожалала плечами. Похоже, вопрос ее совершенно не волновал, и его это беспокоило.

– Кроме лошади, – настаивал Кейд. – Было ведь что-то, о чем вы мечтали все детство, но так никогда и не получили?

Николь устремила взор в небо, припоминая.

– Любовные романы! Когда я была подростком, я их обожала. И попросила к Рождеству коллекцию любовных романов. А получила полное собрание сочинений Джейн Остин в кожаном переплете. Строго говоря, это тоже любовные романы, и, поймите меня правильно, я люблю Джейн Остин, но... но я не это просила. – Николь нахмурилась. – Давненько я не держала в руках любовного романчика!

Она тряхнула волосами, отгоняя непрощенные мысли, но, Кейд заметил, сделала это очень осторожно, чтобы не разбудить заснувшую у нее на руках Холли. Какие романы? Он смотрел на нее, баюкавшую его дочь.

– Вы похожи на Мадонну с младенцем.

Она фыркнула:

– Поверьте, во мне нет ничего святого, слово даю!

Кейд едва сдержал смех. Она вмиг напряглась и снова начала проделывать все эти свои дурацкие штучки – делать вид, что ничего такого не говорила, тогда как говорила, и это было остроумно, и заставило его рассмеяться. И конечно, все испортила.

– Мне пора. – Кейд поднялся с травы.

– Пока, пап.

Он почти ушел. Но вернулся.

– Вечером полежите в горячей ванне. Мускулы будут не так болеть.

И вот тут уж он ушел по-настоящему, чуть ли не бегом. Потому что перед ним замаячила картинка: Николь в пенной ванне, глаза полузакрыты, губы полуоткрыты... Надо убираться подобру-поздорову!

А десять дней спустя прибыла его родня. Мать и весь ее багаж – на одном самолете, сестра с пятилетними сыновьями-близняшками – на другом. Зять должен был присоединиться к ним позже, в сочельник. Именно об этом Кейд и мечтал, именно так он и планировал – шумное, веселое Рождество в кругу большой семьи. Он заметил, что Николь держится в тени. Вообще-то он изо всех сил старался замечать ее как можно меньше, но...

Например, он никак не мог не заметить, какими глазами она смотрит на конфетницу с шоколадным драже, которую Хэрри поставила в гостиной. Рядом красовались фруктовые пирожные и песочное печенье, но именно на изюм в шоколаде Николь смотрела тяжело, неотступно, пристально. В душе он посмеивался над ее муками и все ждал, когда же она запустит руку в вазу и, наконец, как следует проникнется духом Рождества. А она все держалась, хотя, кажется, ее магнитом тянуло к этому изюму.

Когда дело дошло до рождественских гимнов, он увидел, что ее глаза затуманились, хоть она и улыбалась. А потом и вовсе незаметно выскользнула из дома на веранду. Дети были с бабушкой и тетей и поэтому не заметили ее побега. Никто, кроме него, не заметил. Кейд стиснул зубы, досчитал до десяти – как раз десять дней оставалось до Рождества, – а потом последовал за нею в темноту ночи.

Николь, ухватившись за перила, смотрела на звездное небо и поражалась, что такая красота вообще существует в реальности. На эту сторону веранды не доходил свет из окон и дверей, а пение доносилось едва слышно, и оттого, казалось, звезд было еще больше и светили они еще ярче.

И тут шестое чувство подсказало ей: Кейд... Волнение, которого она совсем не желала испытывать, охватило ее. Она не стала оборачиваться:

– Вы должны быть сейчас со своей семьей.

– Точно так же, как и вы.

Она повернулась к нему:

– Но это же не моя семья, Кейд. Кроме того, Элле и Холли нужно дать возможность пообщаться с бабушкой, тетей и братьями, так чтобы я не мешала. И не беспокойтесь, я слежу за временем – мы вовремя пойдем спать. Еще полчаса.

– Три пункта. – Его голос прозвучал резковато. – Во-первых, вы не мешаете. Во-вторых, в «Ваминда-Доунс» вы – часть семьи. И в-третьих, я попросил Хэрри уложить девочек. Я же видел, как много вы сегодня помогали с готовкой.

Его якобы беспристрастность ее раздражала. И тон этот ей не нравился.

– Пункт первый. – Николь подняла палец. – Я здесь для того, чтобы выполнять свою работу, и мне не нужно, чтобы кто-то делал ее за меня. И второе. Я тоже имею право провести пару минут наедине с самой собой. Только так, чтобы при этом вы не выпрыгивали из темноты с этим вашим «Ага-а, ты снова портишь Рождество!»

Именно поэтому она и улизнула из гостиной. Все это рождественское веселье отозвалось в ней такой тоской! Николь боялась, что в любой момент может при всех разрыдаться. Вот это был бы рождественский номер!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.